

У министра Ли был только один сын и одна дочь. Когда говорили о молодом господине, естественно, речь шла о том самом свирепом генерале Ли Аньфэне, который недавно вернулся с войны в Сянцзинчуане.

Гу Чжэнь загорелся глазами. Как раз он хотел познакомиться с Ли Аньфэном, и вот такой удобный случай. Ему не придется ехать еще раз. Он снова достал слиток серебра и сунул его слуге:

— В чем проблема? Мне как раз нужно поговорить с вашим молодым господином. Сходи и передай министру. Если он не захочет видеть, просто скажи мне.

Слуга, видя два слитка серебра, загорелся глазами и, не устояв перед искушением, взял деньги:

— Хорошо, я передам министру. Подождите немного, господа.

Гу Чжэнь улыбнулся и кивнул, наблюдая, как юноша бежит в дом. За его спиной слуги шептались:

— Этот наглый слуга не знает своей судьбы. Осмелился остановить канцлера и брать у него деньги.

Гу Чжэнь обернулся и бросил на них строгий взгляд. Слуги тут же замолчали.

В этот момент Хэ Сюйлян подошел сзади и сказал Гу Чжэню:

— Генерал Ли сегодня, возможно, не в состоянии. Вы можете прийти в другой день.

Гу Чжэнь спросил:

— Почему? Он ранен в Сянцзинчуане?

Хэ Сюйлян покачал головой:

— Его наказали.

Гу Чжэнь удивился:

— За что? Какое преступление он совершил?

Хэ Сюйлян объяснил:

— Он потерпел поражение. Наказание — триста ударов плетью.

Гу Чжэнь широко раскрыл глаза, его голос изменился:

— Триста?

Наказание плетью, как следует из названия, заключалось в том, что преступника били плетью по спине и ягодицам. В романе «Безумный Демонический Генерал» иногда описывались наказания, и автор, чтобы привлечь внимание, делал их очень подробными. Плеть из бычьей кожи была толщиной в два пальца и длиной более трех футов. Один удар мог разорвать кожу. Как человек мог выжить после трехсот ударов?

Увидев выражение лица Гу Чжэня, Хэ Сюйлян добавил:

— Генерал Ли из знатной семьи, вероятно, получил около ста ударов.

Гу Чжэнь ахнул, думая, что и сто ударов могут убить. Он чувствовал боль и злость: его талантливый человек, которого он даже не видел, мог быть забит до смерти. Он спросил с гневом:

— Кто приказал это? Гао Сю?

Хэ Сюйлян помолчал и произнес два слова:

— Император.

Гу Чжэнь выпалил:

— Чушь!

Затем он понял, что это было неуместно, и кашлянул:

— Император еще молод. Что он может знать?

Гу Чжэнь нервно зашагал на месте, чувствуя досаду. Если бы он не проспал, он бы пошел на совет и не допустил бы, чтобы Ли Аньфэна избили до полусмерти. Цзян Юньсюань ничего не знал. Сомневаюсь, что он даже может написать иероглиф «наказание».

Канцлера не было, и, вероятно, указ был составлен министром чинов Гао Сю. Этот старик сам никогда не сражался, не давал ни войск, ни провизии, а вот наказывать за поражение он мастер.

Он также чувствовал печаль. В конце концов, эта ситуация была связана и с Гу Чжэнем. Если бы прежний Гу Чжэнь уделял больше внимания войнам на границе и был более усерден в делах, Сянцзинчуань, возможно, не был бы потерян.

Гу Чжэнь раздраженно потер волосы, снова чувствуя, что ничего не сделал, но кто-то страдает из-за действий прежнего владельца этого тела.

Хэ Сюйлян наблюдал за всем этим и, слегка сжав плечо Гу Чжэня, успокоил:

— Генерал Ли — воин.

Гу Чжэнь обернулся и сердито посмотрел на него:

— Воин — не железный. Попробуй выдержать триста ударов плетью, посмотрим, как тебе понравится.

Это был первый раз, когда Гу Чжэнь так резко говорил с Хэ Сюйляном. На самом деле он не хотел его обидеть, просто был очень взволнован. Произнеся это, он задумался, извинился и сказал:

— Я не это имел в виду... Просто волнуюсь. Не обижайся.

Хэ Сюйлян просто спокойно ответил:

— Не за что. — Но в его глазах мелькнул странный блеск.

Когда Гу Чжэнь уже не мог сдерживаться и собирался ворваться в дом, слуга наконец вернулся и сказал:

— Господа, министр приглашает вас.

Гу Чжэнь поблагодарил и поспешил войти. Через несколько шагов министр Ли вышел из дома. За несколько дней этот еще не старый мужчина, казалось, постарел на несколько лет. Глубокие морщины на его лице стали еще заметнее, он выглядел уставшим, а вокруг глаз были красные следы, будто он только что плакал. Гу Чжэнь, увидев это, почувствовал боль в сердце.

Министр Ли хотел поклониться, но Гу Чжэнь поспешил поддержать его и сказал:

— Министр, не стоит церемоний. Я слышал, что генерал Ли вернулся? Как его здоровье? Может, мне найти несколько врачей? У меня в резиденции есть ценные лекарства, если нужно, министр, пожалуйста, скажите.

Министр Ли медленно поднял голову, его глаза были еще более красными, чем веки. Гу Чжэнь, увидев это, испугался. Министр хрипло произнес:

— Канцлер Гу, вы пришли посмеяться над стариком? Фэн сейчас лежит в постели и не сможет ходить как минимум три месяца. Возможно, у него останутся последствия на всю жизнь. С детства он мечтал сражаться на поле боя и служить стране. А теперь вы хотите, чтобы он умер или жил как инвалид? С 3 000 старых и больных солдат вы отправили его защищать Сянцзинчуань на берегу реки Тысячи Чайний. Вы знаете, как это сложно? Если бы я знал, что все так закончится, я бы лучше сам убил его, чтобы он не страдал полгода на берегу реки.

Гу Чжэнь почувствовал, что сердце его разрывается от боли, но он не мог сказать ни слова. Он открыл рот, но смог только прошептать:

— Я...

Министр Ли с горечью закрыл глаза, и мутные слезы снова потекли по его лицу. Он вспомнил, как полгода назад его сын, сидя на коне, с гордостью сказал ему:

— Отец, я обязательно разобью монстров в реке Тысячи Чайний и вернусь с победой.

А теперь его сын лежал в постели, едва живой, не мог пошевелиться, и боевой дух в его глазах заставлял отца смотреть на него с болью. Как он мог сказать своему сыну, что тот, возможно, больше никогда не встанет с постели, не сядет на коня, не выстрелит из лука и не поскачет на поле боя?

И все это было виной канцлера. Одним словом он отправил его дочь во дворец, чтобы она стала наложницей шестилетнего ребенка, а сына — на опасную войну на берегу реки Тысячи Чайний, где он сражался полгода, а теперь был избит до полусмерти. А канцлер тем временем проводил дни в опиумных притонах и чайных, не обращая внимания на дела государства.

Небо слепо, небо слепо!

В глазах министра Ли мелькнула ярость, и он схватил фарфоровую вазу у забора. Зрачки Хэ Сюйляна сузились, но Гу Чжэнь громко крикнул:

— Все, стойте!

Хэ Сюйлян сжал кулак и убрал руку. В следующую секунду ваза разбилась о голову Гу Чжэня, разлетевшись на куски. В ушах Гу Чжэня зазвенело, и теплая жидкость потекла по его лицу, затуманивая и без того мутное зрение.

Министр Ли не остановился и пнул Гу Чжэня, лежащего на земле, в живот. Его голос дрожал от ярости:

— Убив тебя, я избавлю народ от зла. Я старик, мне нечего бояться. Пусть меня четвертуют или казнят.

Министр Ли в молодости был воином, и его удары были не просто для вида. Каждый удар по Гу Чжэню был настоящей болью. Гу Чжэнь сжался в комок, стиснув зубы и не издавая ни звука. Пока 007 был с ним, он, по крайней мере, не умрет.

Эта сцена шокировала всех присутствующих. Даже Е Жань не выдержал и хотел вмешаться, но Хэ Сюйлян остановил его. Е Жань с недоумением посмотрел на него, но Хэ Сюйлян, не отрывая взгляда от Гу Чжэня, спокойно сказал:

— Не лезь.

Е Жань:

— Генерал Хэ...

Хэ Сюйлян повысил голос:

— Я сказал, не лезь.

Е Жань, глядя на Гу Чжэня, который выплюнул кровь, с беспокойством прошептал:

— Если так продолжится, он умрет...

Хэ Сюйлян медленно убрал руку и тихо сказал:

— Нет.

<http://bllate.org/book/16782/1543685>